

Воспоминанія о Е. Д. Полѣновой.

I.

Много болѣе десяти лѣтъ прошло со смерти талантливой художницы Елены Дмитриевны Полѣновой; но яркій, сильный образъ этой замѣчательной женщины остался живымъ въ моемъ воспоминаніи. Дочь просвѣщенныхъ, преданныхъ искусству и наукѣ, родителей, Полѣнова не встрѣчала препятствія своему стремленію учиться. Не знала она и необходимости работать изъ-за куска хлѣба, но обыденная, хотя и содержательная жизнь не удовлетворяла молодую дѣвушку, въ ней горѣлъ священный огонь, который заставлялъ ее искать все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, все новыхъ и новыхъ знаній.

Воспитанная дома, подъ руководствомъ лучшихъ учителей, занимаясь исторіей и археологіей со своимъ отцомъ, Е. Д. выдерживаетъ экзаменъ на домашнюю учительницу. Интересуясь занятіями братьевъ въ университетѣ, она увлекается юридическими и математическими науками и усваиваетъ ихъ настолько, что могла бы сдать экзамены наравнѣ съ братьями. Въ то же время она проходитъ курсъ рисованія въ школѣ Общества Поощренія Художникамъ, беретъ частные уроки живописи, сначала у Чистякова, потомъ у Крамского.

Нѣсколько разъ ѣздитъ Е. Д. за границу, занимается въ мастерской Шаплена; много времени проводитъ она въ деревнѣ, гдѣ пишетъ съ натуры и изучаетъ бытъ народа, даже собирается стать народной учительницей. Въ 1877-мъ г. Полѣнова бросаетъ всѣ свои планы и занятія, отправляется въ Кіевъ, гдѣ ея сестра завѣдывала временнымъ госпиталемъ для раненыхъ, и тамъ, съ само-

отверженіемъ отдается уходу за больными. Возвратившись послѣ окончанія войны въ Петербургъ, Е. Д. посѣщаетъ женскіе медицинскіе курсы, устраиваетъ у себя курсъ рисованія, преподаетъ въ школѣ Литейно-Таврическаго кружка Общества вспоможенія бѣднымъ женщинамъ, близко сходитя съ Надеждой Васильевной Стасовой. Все, что въ то время волнуетъ и занимаетъ общество, ей близко, во всемъ она принимаетъ участіе.

Однако, въ концѣ концовъ, Полънова все-таки отдалась спеціально искусству, вновь поступила въ школу Общ. П. Х., гдѣ занялась керамикой. Она кончила курсъ съ медалью и была послана Обществомъ за границу для усовершенствованія въ этой отрасли искусства. Въ Парижѣ она работала подъ руководствомъ извѣстнаго спеціалиста этого дѣла Егорова, посѣщала разныя фабрики и мастерскую знаменитаго Дека. По возвращеніи она была избрана преподавательницей школы и нѣсколько времени руководила въ ней классомъ керамики.

Вотъ краткій перечень, такъ сказать, учебныхъ годовъ этой замѣчательной женщины, которая бралась за все съ необыкновенной страстностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и силой воли, дающей выдержку.

Семейныя обстоятельства заставили Полънову переѣхать въ Москву, гдѣ ей суждено было примѣнить къ дѣлу накопившійся у нея богатый художественный матеріаль. Здѣсь Е. Д. попала въ тѣсный кружокъ даровитыхъ художниковъ, собиравшихся у ея брата В. Д. Полънова и у С. И. Мамонтова. Лѣто 1885 года она провела въ имѣніи Мамонтова Абрамцевѣ, въ той же средѣ товарищей художниковъ, къ которой присоединился и В. М. Васнецовъ. Въ то время въ русскомъ искусствѣ совершался переворотъ. Дошли до насъ заднимъ числомъ прерафаэлистическія теоріи запада, почувствовалось, что чисто реальное направленіе, которому долго слѣдовало наше искусство, не удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ души человѣческой, поднялась реакція противъ слишкомъ матеріалистическихъ и космополитическихъ тенденцій. Художники оглянулись на далекое прошлое, захотѣли отыскать источники чисто русскаго искусства и отъ нихъ идти новымъ путемъ. Чтобы достичь такого возрожденія надо было исходить не отъ имѣющихся подъ рукой полотенецъ, чашекъ, иконъ, а отъ тѣхъ міровоззрѣній, тѣхъ чувствъ, которыя вдохновляли древнихъ художниковъ и давали имъ возможность влагать въ свои произведенія то, что трогаетъ и потрясаетъ насъ до сихъ поръ. Должно быть такая перемѣна направленія была серьезной потребностью въ исторіи нашего искусства и достаточно назрѣла, такъ какъ явился человѣкъ, который сдѣлался выразителемъ этого направленія. Онъ приблизился къ чувствамъ

монаховъ, расписывавшихъ стѣны монастырей въ XI, XII вѣкахъ, у него была чистая душа, была вѣра и энтузіазмъ. Это не могло не увлечь Полънову и, понятно, что, изъ окружающихъ ее художниковъ, Васнецовъ болѣе всѣхъ произвелъ впечатлѣніе на ея чуткую натуру.

Въ имѣніи „Абрамцево“ уже нѣсколько лѣтъ существовала столарная мастерская. „Рѣзьба“, писала Полънова, „какъ искусство, еще и теперь живущее въ народѣ, такое родное, такое свое дѣло для мальчика, взятаго изъ крестьянской семьи, что онъ ее чувствуетъ самъ собою и превосходно ее исполняетъ“. Надо было только дать ему хорошіе образцы, и на это обратилъ Васнецовъ вниманіе Елены Дмитриевны. Со свойственной ей энергіей принялась она за плодотворную дѣятельность. Вся пылая интересомъ, охватившимъ ее, она совершила путешествіе по Россіи, собирая по глухимъ деревнямъ произведенія русской старины, срисовывая то, что могло пригодиться для ея цѣли въ древнихъ церквахъ, составляя сама массу рисунковъ стильной мебели и утвари. Окраска древнихъ предметовъ отличается мягкостью тоновъ, простотой, далекой отъ кричащихъ эффектовъ, часть этой неизъяснимой прелести старыхъ вещей надо приписать патинѣ времени, но много зависитъ, кромѣ вкуса самихъ производителей, и отъ употреблявшихся ими красокъ, болшею частью растительныхъ. И на это обратила вниманіе Полънова: она выпытывала у бабъ разные секреты и рецепты, потомъ сама добывала по нимъ краски, дававшія мягкіе и пріятные тона раскрашеннымъ подъ ея личнымъ руководствомъ абрамцевскимъ издѣліямъ.

Надо было слышать, съ какимъ восторгомъ говорила Е. Д. объ успѣхахъ учениковъ Абрамцевской школы, объ распространеніи ихъ работъ въ продажѣ, чтобъ понять, какъ горячо она относилась къ излюбленному дѣлу. Тутъ было не одно удовлетвореніе художника въ созданіи красивыхъ образовъ, но желаніе провести эти образы въ жизнь, рассыпать ихъ въ народѣ. Не навязывать крестьянину далекіе отъ него, чуждые ему образцы хотѣла Е. Д., а выбрать то, что ему близко, привычно: „цѣль наша“, говоритъ она въ одномъ письмѣ, „подхватить еще живущее народное творчество и дать ему возможность развернуться“. Эти прекрасныя слова вполнѣ характеризуютъ стремленія нашей художницы. Своими рисунками для деревянныхъ издѣлій, мебели, вышиваній, Полънова показала, какъ можно пріурочить къ современной жизни богатые мотивы народнаго русскаго творчества. Въмѣстѣ съ тѣмъ, возрождая старину въ томъ видѣ, какъ художница поняла и полюбила ее, Е. Д. создала нѣчто новое, сказала свое слово въ искусствѣ. Многіе остались бы до-

вольны такимъ результатомъ, но Е. Д. не могла имъ удовлетвориться, ей хотѣлось всего, ее все интересовало, все увлекало... У нея была удивительная способность находить интересъ во всемъ окружающемъ, она, для созданія своихъ художественныхъ произведеній, пользовалась каждымъ человѣкомъ, каждой былинкой въ природѣ. У какой-нибудь, никѣмъ другимъ не замѣченной, кухарки умѣла она выпытать типичные рассказы, заставить старухъ въ деревняхъ отыскивать и отдавать ей чуть не совсѣмъ исчезнувшее старье; во время ея путешествія по Россіи, около Е. Д. собирались ребята; пѣли, рассказывали сказки, она же записывала ихъ и тогда уже думала изъ этихъ рассказовъ создать тѣ иллюстрированныя русскія сказки, для которыхъ она, потомъ исполнила рядъ прекрасныхъ акварелей.

Бросалась въ глаза способность Е. Д. своей горячностью и силой инициативы привести всѣхъ окружающихъ въ нужное ей настроеніе, приподнять ихъ энергію, подбодрить...

Стоявшая по уму и образованію выше большинства молодыхъ художниковъ, она, относясь къ нимъ съ равенствомъ товарища, незамѣтно направляла ихъ къ приобрѣтенію нужныхъ имъ знаній, къ усовершенствованію ихъ способностей. Иногда, впрочемъ, она даже употребляла нѣкоторое насиліе надъ своими юными друзьями, по ихъ собственнымъ словамъ заставляла ихъ работать.

Осенью 1886-го года Е. Д. предложила своимъ товарищамъ, вмѣсто собраній для совмѣстнаго рисованія, отправляться осматривать старинныя церкви и зданія Москвы. Была составлена программа; передъ осмотромъ памятниковъ ихъ всесторонне изучали по имѣющимся увражамъ; въ вечернихъ собраніяхъ читались рефераты о видѣнномъ. Археологическія и историческія знанія Полъновой были въ высшей степени драгоценны при руководствѣ этими занятіями.

Подъ вліяніемъ Полъновой составился въ 1895-мъ году кружокъ художниковъ, задавшійся мыслью устроить историческую народную выставку. Выставка именовалась „народной“, потому что должна была быть крайне дешевой (не больше 5-и к. за входъ) и носить характеръ поучительный, т. е. сюжеты изъ Библии и древне русской исторіи были выбраны систематически и должны были изображать самые выдающіеся моменты исторіи или характеризовать бытъ древнихъ народовъ. Идея была всѣмъ симпатична, но Е. Д. была настоящей вдохновительницей самаго дѣла. Если историческая выставка и не состоялась, то приготовленія къ ней принесли много пользы, соединивъ художниковъ, давъ имъ возможность высказываться другъ передъ другомъ и поднимать интересные вопросы, дѣлавшіеся предметомъ жаркихъ споровъ.

Помню, разъ толковали о томъ, какъ слѣдуетъ трактовать пред-

ставляемые народу сюжеты: со стороны только дидактической или вмѣстѣ и художественной. Говорили, что для поученія народа надо писать плоскими тонами большія иллюстраціи, предлагали устроить мастерскія, гдѣ бы такія картины фабриковались общими усиліями, высказывали, что народъ не пойметъ сюжеты, трактованные слишкомъ субъективно и современно. Восторжествовало мнѣніе, которому сочувствовала и Полънова, гласившее, что то, что хорошо для насъ, хорошо и для народа, что выставка должна быть прежде всего художественная, что живописцы должны сами интересоваться своей работой, творить свободно, сообразно своимъ понятіямъ и чувствамъ; если одно и будетъ непонятно простолюдинамъ, за то другое привлечетъ ихъ вниманіе, и этотъ выборъ послужитъ указаніемъ для будущихъ выставокъ. Оживленіе было большое: ходили по музеямъ, читали, писали эскизы, выставляли ихъ; Сизовъ читалъ лекціи о древнерусскомъ костюмѣ... Къ сожалѣнію, это была кратковременная вспышка: къ сроку, назначенному для выставки, были готовы только немногія картины, и, къ чести женщинъ, онѣ принадлежали ихъ кисти. Выставку отложили до слѣдующаго года, но, послѣ отъѣзда Елены Дмитриевны за границу, всѣ какъ-то охладѣли, кружокъ раздѣлился и хорошее дѣло кануло въ Лету! Полънова, однако, кончила задуманныя картины: „Видѣніе Бориса и Глѣба одному изъ воиновъ“ Александра Невского и „Убіеніе Бориса“. Впослѣдствіи эти ея произведенія, вмѣстѣ съ другими, предназначавшимися для народной выставки, между которыми находились работы В. Д. Полънова, Э. Я. Шанксъ, Рерберга, Турлыгина, Головина и др., были выставлены въ Историческомъ музеѣ и, потомъ, на Смоленскомъ бульварѣ.

Въ то же время Е. Д. была занята заказами образовъ, эскизами для ковровъ, виньетокъ. Послѣ знаменитыхъ тулонскихъ дней, Н. В. Стасова попросила ее сдѣлать заставку для адреса, посылаемаго русскими женщинами французскимъ; по этому поводу Е. Д. писала: „мнѣ пріятно было, что, когда Надеждѣ Васильевнѣ понадобилась работа женщинъ, она подумала обо мнѣ“.

Неутомима была дѣятельность Е. Д. Мысль ея работала даже во снѣ: ей часто снились новые орнаменты или сочетанія красокъ, которые она, проснувшись, зарисовывала. Елена Дмитриевна рассказывала мнѣ, что она обладала цвѣтнымъ слухомъ (*audition colorée*) и что много орнаментовъ возставали въ краскахъ передъ ея глазами, во время исполненія музыкальныхъ пьесъ. Слушая совершенно незнакомую ей музыку, она зарисовывала одно за другимъ то, что появлялось ей такимъ образомъ и, въ концѣ, выходилъ окончательный и строго стильный рисунокъ.

II.

Въ концѣ 1887-го года, я познакомилась съ Е. Д. Полъновой въ домѣ ея брата Василя Дмитріевича, съ которымъ я была давно знакома. Съ Еленой Дмитріевной мы сошлись не сразу: въ ней не было привѣтливости, милаго и одинаковаго вниманія къ каждому гостю, она была неровна въ обращеніи: то любезна, то рѣзка и, какъ мнѣ казалось, пренебрежительна.

Я заподозрѣла нѣчто, не только равнодушное, но даже не дружелюбное по отношенію ко мнѣ.

Я рѣшила прекратить знакомство съ ней и отказалась отъ ея приглашенія участвовать въ устраиваемыхъ ею вечернихъ занятіяхъ керамикой. Но я не выдержала характера: меня неудержимо тянуло туда, гдѣ говорятъ и спорятъ о моемъ любимомъ искусствѣ, тянуло къ Василю Дмитріевичу, котораго всегда цѣнила и любила; тянуло къ его матери Марьѣ Алексѣевнѣ Полъновой. Что это была за чудесная старушка! Даже комната ея была проникнута особенной атмосферой, въ которой было уютно и легко дышать. Стариной вѣяло въ этой комнатѣ и любовью къ искусству: стоятъ старыя вещи, разбросаны коврики и подушки, на стѣнахъ акварельные портреты предковъ, масляныя копіи съ большихъ картинъ, работы Марьи Алексѣевны. И въ этой рамкѣ сидитъ она, прелестная старушка, съ выраженіемъ лица безконечно добрымъ и милымъ, встрѣчаетъ васъ съ ласковымъ привѣтомъ, съ чарующей улыбкой; все она про васъ помнитъ, обо всемъ участливо разспроситъ... Молодые люди льнули къ ней, она интересовалась ихъ дѣлами, давала имъ совѣты, радовалась ихъ успѣхамъ. Несмотря на очень преклонный возрастъ, она сохранила всю свѣжесть ума и умѣнье понимать современное и молодое. Тянуло меня, несмотря ни на что, и къ Еленѣ Дмитріевнѣ, дѣятельностью которой я восхищалась. И вотъ, послѣ долгаго времени, я рѣшилась побывать у Полъновыхъ. На мое счастье, Е. Д. была въ благодушномъ и оживленномъ настроеніи, втянула меня въ разговоръ, и вечеръ прошелъ для меня пріятно. Весною, передъ отъѣздомъ на югъ, я зашла проститься и застала только Е. Д. и ея матушку. Чайный столъ устроили на обсаженномъ деревьями дворикѣ и, въ этотъ мягкій весенній вечерокъ, мы мирно и хорошо поговорили по душѣ.

При болѣе близкомъ знакомствѣ я замѣтила, что настроеніе Е. Д. можетъ крайне быстро мѣняться, въ зависимости отъ ведущагося разговора: если послѣдній мало интересовалъ ее, она была молчалива, холодна и, будто, сердита, если болѣе—она оживлялась,

дѣлалась участливой и говорила горячо, красиво. Она не искала возбудить въ людяхъ то или другое чувство къ себѣ, она вся и всегда была проникнута своимъ дѣломъ, кто сочувствовалъ ему, тотъ и былъ ей дорогъ. „Я могу годами не бывать у человѣка“, говорила она мнѣ, „но, если меня что-нибудь заинтересуетъ, если явится какое-нибудь общее дѣло, то я приду, точно я съ нимъ вчера видѣлась“. Дѣйствительно, мы иногда подолгу не видались, но, когда сходились, всегда долго просиживали вмѣстѣ, имѣя много темъ для разговоровъ. Я чаще всего бывала у Е. Д., когда она писала свою картину „Въ гостяхъ у крестной“. Меня првлекала правдивая передача художницей съ натуры окна съ кисейной занавѣской и скользящаго сквозь нея свѣта. Полънова любила пейзажъ. „Ахъ, какія крыши!“ восклицала она, глядя изъ окна моей квартиры, „что это вы не пишете ихъ, я не понимаю! Такъ интересно. Я къ вамъ непременно приду написать ихъ“. Она этого не исполнила, но написала мальчика на крышѣ изъ своего собственного окна.

Во время изданія перваго выпуска сказокъ, у Полъновой было много хлопотъ и неприяностей, ей надоѣдали чисто практическія заботы. Ей приходилось самой раскрашивать фототипіи или поправлять то, что ей портили неумѣлыя личности; такая работа отнимала много времени и была ей не по душѣ, Е. Д. горько жаловалась, что взяла на себя такую обузу. Когда я выразила желаніе приобрѣсти экземпляръ „Грибовъ“, она дала мнѣ нераскрашенный и сказала съ досадой: „по-моему такъ лучше. Захотите, сами раскрасите“.

Когда я приняла участіе въ народной выставкѣ, Е. Д. стала часто заходить ко мнѣ и, несмотря на то, что была очень занята, засиживалась подолгу. Мы горячо толковали о лучшемъ осуществленіи этого предпріятія, о раздачѣ остающихся сюжетовъ, объ эскизахъ, которые мы уже видѣли, о томъ, какимъ образомъ устроить помощь неимущимъ художникамъ при ихъ работѣ: добыть помѣщенія, приобрѣсти имъ холсты, краски... Е. Д. уговаривала меня, кромѣ избраннаго уже мною пейзажнаго сюжета, взять еще другой: „Мозаичисты въ Софійскомъ соборѣ“ и ѣхать для этого въ Кіевъ. На мое возраженіе, что я не съумѣю написать большихъ фигуръ, она возражала, что въ этой картинѣ главное не фигуры, а самый храмъ, его архитектура, воздухъ, полумракъ въ немъ. Она тутъ же начала сочинять картину: одинъ художникъ стоитъ и работаетъ на лѣстницѣ, другой подаетъ ему что-нибудь; послѣдній виденъ только верхней частью туловища, оба почти задомъ къ зрителю. „Вы можете, говорила она, весь храмъ, всю мозаику

написать съ натуры, съ хоровъ, это можно очень хорошо сдѣлать, и вы сдѣлаете, воздухъ вамъ такъ удастся! Поѣзжайте, у васъ есть время. Я знаю, что это у васъ выйдетъ“!

Надо сказать, что никто не могъ такъ подговорить, подбить, увлечь, какъ Елена Дмитріевна, если она этого хотѣла.

Въ нашихъ бесѣдахъ, я съ жадностью слушала Полънову. Ея сужденіямъ я вполнѣ довѣряла, она много видѣла, была серьезно художественно образована, безъ самомнѣнія, но увѣренно передавала свои впечатлѣнія. Только разъ, когда я, послѣ одного изъ ея путешествій за границу, спросила ее, какъ ей понравился Бѣриъ Джонсъ, я замѣтила въ ней колебаніе: „сначала какъ-то странно“, отвѣтила она, немного подумавъ, „но, когда всмотришься— хорошо. Да, все-таки это очень хорошо“...

Что меня болѣе всего плѣняло въ нашихъ бесѣдахъ съ Полъновой, это ея безграничное увлеченіе интересовавшимъ ее предметомъ разговора, увлеченіе до того интенсивное, что слова ея принимали силу образовъ. Послѣ такой бесѣды, устаешь физически, но на душѣ хорошо и рука тянется къ кисти...

III.

Въ 1902-мъ году, на посмертной выставкѣ произведеній Полъновой былъ собранъ весь ея оеuvre. Только увидя вмѣстѣ весь трудъ нашей художницы, можно вполнѣ оцѣнить, сколько таланта, мысли, любви въ ней было. Безконечно сильное впечатлѣніе производила выставка на посѣщавшихъ ее. Двѣ женщины расплакались на ней. „Что съ вами?“— „Не знаю, отвѣчала одна, ужъ такъ хорошо, такъ хорошо“!— „Тутъ вся ея душа“, сказала другая. Да, тутъ была вся ея душа: широкая, горячая, нѣжная...

Находясь въ этихъ залахъ, можно было слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ развитіемъ художницы, за перемѣнами, происходившими въ ея сознаніи, здѣсь какъ бы проходила передъ зрителемъ вся ея жизнь, неразрывно связанная съ ея дѣломъ. Эта выставка была біографіей Е. Д. Полъновой. Чего только не касалась она своею живою мыслью! Здѣсь и реалистическіе этюды, и стилизаціи, и картины масляными красками, и акварели, и пастели, и керамика, и мебель, сдѣланная по ея рисункамъ, и ткани, и альбомы, въ которые зарисовывались мимолетныя впечатлѣнія.

Страстно схватывала Елена Дмитріевна эти впечатлѣнія направо и налѣво, но, взявшись за какой-нибудь трудъ, отдавалась ему вполнѣ, добросовѣстно разрабатывая со всѣхъ сторонъ задуманное

произведеніе. Рядъ акварелей наглядно показываетъ, какъ послѣдовательно подходила она отъ перваго этюда съ натуры къ тому обобщенію, которое наиболѣе удовлетворило художницу.

Глядя на масляные и акварельные этюды Полъновой, на эти окошки избъ, коньки надъ воротами, бугорочки, птичьи гнѣзда; на купающихся дѣвочекъ, на куръ и воронъ, на полянки въ лѣсу, заросшія цвѣтами, чувствуешь, какъ любила она все это и съ какою любовью воспроизводила. И милые уголки природы, и любовь къ нимъ Елены Дмитриевны трогаютъ насъ, какъ нѣчто *наше*, близкое нашему сердцу.

Въ стилизаціи цвѣтовъ у Полъновой совершенно свой, прелестный жанръ, нѣчто среднее между чистымъ орнаментомъ и живыми цвѣтами: стилизуя цвѣты, художница сохраняетъ имъ ихъ характеръ, ихъ жизнь. Въ классическомъ орнаментѣ вовсе не думаешь о томъ листѣ, который послужилъ ему моделью, въ орнаментѣ Полъновой, несмотря на измѣненные контуры и фантастическую окраску, сейчасъ узнаешь родной и любимый полевой цвѣтокъ.

Съ какимъ-то благоговѣніемъ останавливаешься передъ альбомчиками Е. Д., этими дневниками художника. Вотъ ея тетрадка путешествія по Италіи въ 1895-мъ году. Какъ внимательно набрасываетъ она акварелью, часто изъ окна вагона, проходящую мимо ея глазъ природу, какъ умѣетъ схватить самое характерное; какъ загорается ея колоритъ по мѣрѣ того, какъ она подвигается къ югу, и какъ тухнетъ опять на обратномъ пути, приближаясь къ Москвѣ! Какъ хороши ея копіи съ древнихъ мозаикъ въ Римскихъ церквахъ: въ крошечныхъ акварелькахъ, сдѣланныхъ на глазъ, она такъ рельефно и вѣрно передала самое характерное въ оригиналахъ, что, кажется, по этимъ рисункамъ можно возстановить самую мозаику.

Трудно оторваться отъ „сказокъ“, съ ихъ юморомъ, съ ихъ чутьемъ понятымъ русскимъ духомъ, „сказокъ“, которыя нравятся дѣтямъ, но имѣютъ глубокой смыслъ и для взрослыхъ. Первая картина Е. Д. масляными красками, хотя и уступаетъ послѣднимъ въ технику, кажется мнѣ наиболѣе оригинальной изъ ея картинъ. Очень симпатиченъ „Урокъ анатоміи“, этотъ ничѣмъ не украшенный уголокъ частной жизни съ знакомыми дѣвушками, занятыми серьезнымъ трудомъ, которому онѣ и на полотнѣ, и въ дѣйствительной жизни глубоко сочувствуютъ.

Необыкновенно правдивая и колоритная вещь „Купающіяся дѣвочки“, особенно хороши, въ этой картинѣ дверь изъ купальни, съ видимымъ за нею пейзажемъ и со стоящею на порогѣ дѣвочкой, голое тѣло которой такъ и утопаетъ въ воздухѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Е. Д. сильно увлекалась новыми теченіями въ искусствѣ и все болѣе и болѣе предавалась символизму. Въ этомъ отношеніи самое характерное—ея „Звѣрь“. Это удивительная, наводящая на печальныя размышленія, картина. На первомъ планѣ направо отъ зрителя, крестьянская дѣвочка, приподнявшись „на цыпочки“, рветъ съ дерева сливы; чистое дитя, спокойная, радостная, она все вниманіе сосредоточила на деревѣ со сливами и не замѣчаетъ тихо въ травѣ подкрадывающагося къ ней звѣря-дракона: безпечная, невинная юность и не подозрѣваетъ злого горя жизни, котораго ей не миновать. Дѣвочка трактована совершенно реально, и она очаровательна: въ ней много простоты, это милая русская дѣвочка; поза ея граціозна, нарисована она прекрасно. Звѣрь тоже хорошъ, въ немъ что-то сладострастное и ехидное, и онъ прекрасно подкрадывается.

Но окружаетъ эти два дѣйствующія лица не природа, какъ бы слѣдовало ожидать, а что-то непонятное, невообразимое: какой-то пестрый фонъ изъ стилизованныхъ растеній, изъ яркихъ бляхъ и пятенъ, уничтожающихъ совершенно воздухъ. Это переходъ къ тѣмъ произведеніямъ Е. Д., въ которыхъ нѣтъ уже ничего реального, гдѣ видны слѣды надвигающейся болѣзни, но гдѣ, до послѣдней минуты, все еще сказывается ея талантъ. Въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ, въ „Цвѣткѣ папоротника“, громадный, неясной формы цвѣтокъ, занимающій собою большое полотно, положительно свѣтится: сила колорита заставляетъ его горѣть какъ бы внутреннимъ, переливчатымъ огнемъ. Съ нимъ блеснуло въ послѣдній разъ вдохновеніе нашей художницы, какъ ярко вспыхиваетъ лампада, передъ тѣмъ, какъ ей потухнуть.

Тяжело, что такъ рано ушла отъ насъ Елена Дмитриевна, но она оставила намъ яркую память о себѣ, сознаніе, что крѣпнуть силы русской женщины, и что не даромъ кладетъ она свой камень въ родное зданіе русскаго искусства.

Е. Юнге.

